

На пустыре возвышалась обветшалая церковь. Сквозь облупившуюся краску на воротах можно было разглядеть силуэты детей.

Это и был приют, где сейчас обосновался Рандо́. По сравнению с другими местами, здесь дети, оставшиеся без крова из-за войны, хоть и жили в стесненных условиях, но были сыты и укрыты от непогоды.

Дазай Осаму и Цусима Сюдзи молча вошли в приют. Девочка в залатанном платье проводила их в крошечный кабинет, где укрылся Рандо́.

В тусклом свете лампы меланхоличный французский шарм Рандо́ проступал особенно отчетливо. В его темно-золотистых глазах светилась искренняя любовь к книгам. Услышав скрип двери, он, не поднимая головы, произнес:

— Снова пришли за книгами? Комиксы на второй полке третьего стеллажа.

Не дождавшись привычных слов благодарности, Рандо́ с неохотой оторвался от чтения и увидел стоящего в дверях Дазая Осаму в черном плаще. Узнав знакомый предмет гардероба, Рандо́ понял: юноша, который прежде был лишь свидетелем гибели бывшего босса, окончательно ступил на этот безумный, смертельно опасный путь, который он сам когда-то покинул.

Он помолчал, закрыл книгу и, прижимая к себе своего нового живого грелку, поднялся. В одно мгновение комната, и без того тесная, стала совсем крохотной.

— Почему ты пришел? Мори-сан что-то заподозрил?

Они вышли из теплого, но душного кабинета. Рандо́, по-прежнему прижимая к груди белого кота с тигровыми полосками, последовал за Дазаем во двор. Глядя на спокойный вопрос Рандо́, Дазай не мог не признать величие этого поэта, столь почитаемого в глубинах сознания Цусимы Сюдзи.

Впрочем, они оба мужчины, и о таких вещах, как побочные эффекты, говорить неловко. К тому же, когда он использовал способность Цусимы Сюдзи, тот был без сознания, так что подозревать его не в чем. А если он сейчас сам расскажет о последствиях, этот человек может догадаться о чем-то лишнем...

— Ты не хочешь написать книгу?

Цусима Сюдзи вышел на первый план и, глядя на этого Ланбо из иного мира, попытался найти в его красивом лице хоть тень нежелания.

— Ты узнал? Я как раз пробую писать стихи.

Столкнувшись с вопросом, Рандо́ не стал гадать, решив, что у юноши здесь расставлены соглядатаи. В конце концов, даже лишившись способности, он сохранил связи во Франции, которые нельзя недооценивать. Анти-эсперов, целителей и его самого, бывшего эспера уровня выше предела, — этого более чем достаточно, чтобы французское спецбюро проявило интерес.

Услышав ответ, Цусима Сюдзи проглотил слова, готовые сорваться с языка, и часто заморгал. Он никак не ожидал, что, потеряв способность, этот человек решит пойти по пути самого себя из другого мира.

— А это кто?

Цусима посмотрел на маленького тигренка, который мирно спал на руках у Рандо́, исполняя роль грелки. Он хотел было погладить его, но Рандо́ ловко увернулся.

— Это ребенок-эспер, не просто тигр. Он пока не умеет контролировать свою врожденную способность.

Слушая, с какой заботой Рандо́ говорит о малыше, Дазай в глубине души молча проронил слезу сочувствия по Накахаре Чуге — ведь этот старший брат ни разу даже не поинтересовался его судьбой.

— Чуге тоже вступил в Портовую Мафию.

Цусима Сюдзи смотрел на капустные грядки во дворе, размышляя, не стоит ли пожертвовать приюту еще немного денег. Судя по всему, дела у них идут неважно.

— ...Это его выбор. Я уважаю его решение.

Рандо́ долго молчал, переваривая новость, а затем медленно высказал свою позицию. Вспомнив старую шляпу Чуи и посмотрев на отношение этого человека, Цусима почувствовал, что Накахаре это не по заслугам. Он опустил глаза и, развернувшись, направился к выходу. Уходя, он бросил:

— Я больше не приду. Береги себя. Если допишешь стихи, пришли нам копию.

Рандо́, прижимая белого тигренка, смотрел вслед удаляющейся фигуре в черном плаще. Из его рта вырвалось облачко пара.

— Мяу.

Малыш проснулся. Рандо́ молча посмотрел, как тигренок непроизвольно начинает принимать человеческий облик, и погладил его мягкие волосы.

Этот ребенок, Чуя, он сможет о себе позаботиться. Дазай, теперь я доверяю тебе присматривать за ним.

Подхватив ребенка на руки, Рандо одарил его такой нежной улыбкой, что в этот миг его силуэт показался ангелом, спустившимся с небес.

Осень раскрасила деревья в желтые тона, одежда прохожих стала объемнее. Цусима Сюдзи стоял перед витриной магазина, разглядывая отражение пятнадцатилетнего юноши: черные, слегка вьющиеся волосы, невинные глаза и этот черный плащ.

— Дазай, как мне выбраться из твоего тела?

Тихий шепот сорвался с губ и тут же был поглощен северным ветром. Опавшие листья танцевали в воздухе, прежде чем окончательно опуститься на землю после долгого пути.

— Цусима, я тебе не нравлюсь? — послышался в глубине сознания недовольный голос Дазая Осаму.

— Нет, вовсе нет. Просто это твое тело, а я — захватчик. Разве это справедливо по отношению к тебе?

Душа, у которой не было иного приюта в этом мире, с тревогой принялась отрицать свою неприязнь, открывая свои истинные мысли.

— Да нет же. Мне кажется, Цусима очень интересный. Или, правильнее сказать, я сам из другого мира очень интересен, Дазай-кун.

Услышав знакомое обращение, Цусима Сюдзи понял, что обмен воспоминаниями в прошлом дал гораздо больше, чем он предполагал. Несмотря на утешения юноши, он собрался с духом, но не оставил попыток найти способ разделиться.

Зазвонил телефон, прервав размышления о собственной никчемности. Цусима открыл крышку: на экране мигал значок конверта. Это было сообщение от Мори Огая:

— Дазай-кун, сегодня есть задание, которое должен выполнить именно ты. Немедленно явись в мой кабинет.

Дазай Осаму в глубине души издал стон:

— Доктор Мори, ну что за наглость! Мог бы и сам разобраться, работая сверхурочно, зачем дергать меня?!

Цусима захлопнул телефон, спрятал его в карман и, слушая ворчание Дазая, зашагал в сторону пяти зданий, возвышавшихся над городом:

— И зачем ты тогда так рвался в организацию? Ты же еще до вступления все понял.

— Это все вина коротышки! Я заставлю его работать до изнеможения! Обязательно!

Слушая страстные тирады Дазая в адрес Накахары Чуи, Цусима Сюдзи улыбнулся — это было похоже на то, как две его любимые кошки шипят друг на друга из разных клеток. Его аура стала мягкой и теплой.

Под руководством Мори-сана, который был ему одновременно отцом и учителем, Дазай вернулся из кабинета босса с целой стопкой заданий. Кот-депрессия в деле.

Мори Огай, шедший по коридору вместе с Дазаем, увидел идущих навстречу Одзаки Коё и Накахару Чую. Мори уже предвидел грандиозную битву между этими двумя.

Так и вышло. Заметив друг друга, они, словно влюбленные после долгой разлуки, сорвались с места, подбежали друг к другу и замерли, разделенные незримой стеной.

— Чуя, ты хоть понимаешь, зачем я позволил тебе вступить в организацию?! Ты же моя собака!

— Ха?

От слов Дазая кобальтовые глаза Накахары округлились, а с губ сорвался недоверчивый вопрос.

— У меня чешется нога — ты должен почесать. Я хочу лапши — ты должен притащить повара и связать его. Вот твоя работа! А это что за фокусы? Вступил в отряд Коё-сан? Решил сделать головокружительную карьеру?

Дазай строчил, как из пулемета:

— Молодежь должна начинать с низов, как мелкие сошки!

На лбу Чуи запульсировала вена, и он взревел:

— Какое право ты имеешь мне указывать, махинатор проклятый? Я вступил в Портовую Мафию добровольно! И не собираюсь быть ни твоим подчиненным, ни твоей собакой!

Дазай слегка сгорбился, чтобы оказаться на одном уровне с Чуей, и злорадно шепнул в

глубине сознания Цусиме:

— Я обязан научить коротышку уважать старших. Решено, моя книга будет называться «Чуя, который не хочет признавать поражение на этой неделе». За каждый синяк, который он мне оставит, я заставлю его опозориться!

Цусима Сюдзи не слушал — он смотрел на женщину в кимоно, каждое движение которой дышало элегантностью. Он никак не мог принять тот факт, что Одзаки Коё, будучи мужчиной, в этом мире стала такой красавицей. Это было даже шокирующее, чем то, что Мори Огай стал боссом Портовой Мафии, а Юмэно Кюсаку — психически нестабильным ребенком.

Почему все его знакомые подались в мафию? Есть ли еще надежда у литературы в этом мире? А учитель Акутагава — он что, тоже стал женщиной?

— Стоит ли им обоим состоять в одной организации, босс? — Одзаки Коё, слушая перепалку юношей, подошла к Мори Огаю.

Витражи с изображением Девы Марии отбрасывали на коридор пятна солнечного света. Темно-красные глаза Мори Огая сфокусировались на подростках, и на его лице заиграла дьявольская улыбка:

— Алмаз можно ограничить только алмазом? Учитель Нацумэ, позвольте мне доказать правоту этих слов, сказанных когда-то мне и господину Фукудзаве.

А ссора продолжалась:

— Я не коротышка! Я еще расту!

<http://bllate.org/book/21039/2140386>